

Съёмки нового проекта Чи Цзыцзюня должны были начаться через три дня, и он самым слёзным образом умолял Шао Си выкроить время и заглянуть к нему на площадку.

[Чи Цзыцзюнь]: «Братец, съёмочный павильон прямо рядом с твоим домом, в том выставочном телецентре [испуганный смайлик]».

[Чи Цзыцзюнь]: «Если будет минутка, загляни, а? Мне как-то не по себе. Режиссёры всучили целую стопку книг, сказали разбираться самому. Боюсь, завалю всё... [ссылка на фото]».

Сидя в машине, Шао Си лениво кликнул по картинке. На снимке красовалась стопка из пяти-шести увесистых томов, на корешках которых чётко читались названия: «Искусство язвительности: как овладеть сарказмом в совершенстве», «Научись разносить в пух и прах за три минуты»...

Что ж, судя по всему, парню усердно лепили образ бескомпромиссного и острого на язык любовного гуру.

Хотя Шао Си и проворчал в ответ что-то вроде: «И сдался я тебе там? В ладоши хлопать из массовки?», ворчание это было скорее дежурным. В глубине души он не собирался отказывать другу и пообещал прийти на площадку, чтобы поддержать бедолагу.

Чи Цзыцзюнь уже сто лет не получал нормальных предложений о работе. Нынешний всплеск интереса к его скромной персоне случился исключительно благодаря недавней писанине папарацци. Те состряпали абсурдную статью под кричащим заголовком: «Популярный айдол бросил сцену и торгует острой лапшой на улице! Причина вас шокирует! Тридцать миллионов человек не смогли сдержать слёз!».

Благодаря этому шедевр кликбейта имя Цзыцзюня взлетело в тренды Вейбо, и он в одночасье превратился в мем-знаменитость.

Следующие несколько дней Шао Си провёл на съёмках рекламы нового аромата от люксового бренда ZB. Парфюм позиционировался как изысканный, холодный, с выраженными водными нотами.

Поскольку бренд делал ставку на премиальный сегмент и стремился показать универсальность аромата для любого возраста, для Шао Си разработали два концептуально разных образа. Рекламный ролик тоже планировался в двух версиях: в одной он представал беззаботным юношей, в другой — зрелым, состоявшимся мужчиной.

В одном из динамичных кадров Шао Си, с мокрыми, зачёсанными назад волосами, должен был промчатся на скейтборде через всю улицу, эффектно соскочить с доски и совершить серию

трюков в стиле паркура: перемахнуть через низкую ограду, в пару движений взобраться на крышу невысокого здания, пока следом за ним, ведомая шлейфом парфюма, бежит маленькая девочка.

Когда основные трюки остались позади, Шао Си, следуя сценарию, уселся на парапет крыши. Подогнув одну ногу и небрежно положив локоть на колено, он повернул голову, чтобы встретиться взглядом с бегущей к нему малышкой — это был финальный дубль. И тут девочка внезапно залилась горячими слезами.

Шао Си замер.

Девчушка с каскадом кудрявых волос была очаровательна, словно фарфоровая кукла: пышное платье-облако, лакированные туфельки и белоснежные носочки с кружевной оторочкой.

Сейчас эта «кукла» отчаянно тёрла глаза пухлыми кулачками, напрочь забыв про брошенного в пыль плюшевого кролика. На площадке поднялся переполох — съёмочная группа решительно не понимала, что делать.

— Ох, Шэншэн, егоза, ну чего ты? — Режиссёр первым бросился к ней, пытаясь утереть катящиеся горошинами слёзы и легонько тормоза за щёку. — Ну-ка Расскажи дяде, кто тебя обидел?

Остальные сотрудники тоже ломанулись было на помощь, образовав плотную толпу.

— Куда вы все прете?! — рявкнул режиссёр, замахав руками. — Хотите девчонку до заикания довести? А ну разойдись! Дышать же нечем, когда вы все толпитесь!

Повинуясь окрику, Ли Гуанцзун попятился и увлёк за собой Шао Си.

— Что стряслось-то? Всё же шло как по маслу. Чего она вдруг зарыдала?

— А я откуда знаю? Я к ней даже не прикасался, — Шао Си спрыгнул с парапета и принялся отряхивать одежду. — У меня что, лицо маньяка? Стоило повернуться — и сразу истерика.

— Сходи-ка лучше успокой её, — Ли Гуанцзун легонько подтолкнул его в спину. — Если мелкая зайдётся в плаче, мы отсюда до ночи не уедем. Пропал наш съёмочный день.

С любыми трудностями Шао Си справлялся без труда, но мысль о детских слезах вводила его в ступор. Он стёр со щеи затекшую холодную каплю воды и недовольно поморщился:

— Не умею я возиться с детьми.

— Да просто улыбнись ей дружелюбно, сунь конфету какую-нибудь... Я краем уха слышал, что у девушки очень непростая родня. Продюсеры еле уговорили опекунов отпустить её на съёмки всего на один день.

Ли Гуанцзун зашептал ещё настойчивее:

— И не стой столбом с кислым лицом, а то решит ещё кто-нибудь, что ты высокомерный сухарь.

Шао Си мысленно хмыкнул: «А я и есть сухарь».

Под неумолчный бубнёж своего менеджера Шао Си запустил руку в его нагрудный карман, выудил оттуда мятную конфету для бросающих курить и зажал в ладони.

— Ладно, уговорил. Попробую.

К этому моменту режиссёру почти удалось утихомирить маленькую Шэншэн.

Но стоило Шао Си сделать шаг в их сторону, держа леденец наготове, как девочка зажмурилась, широко разинула рот и приготовилась выдать вторую серию рыданий.

Шао Си вздохнул и опустился перед ней на корточки, чтобы оказаться на одном уровне.

— Тебя зовут Шэншэн? — Он раскрыл ладонь с конфетой. — На, держи... Будешь сладкое?

Ровно через минуту Шао Си вернулся к менеджеру. За его спиной девочка заходилась в безутешном, истошном плаче.

Ли Гуанцзун воззрился на подопечного с неподдельным изумлением:

— Вы с ней в прошлой жизни друг друга не зарезали, случайно? Откуда такая взаимность?

Шао Си с самым невозмутимым видом вернул леденец обратно в карман Ли Гуанцзуна и направился к режиссёрскому пульту, чтобы обсудить изменения в финальной сцене.

Раз уж совместный кадр не клеился, придётся перекраивать раскадровку: снять его поворот крупным планом, а затем смонтировать с реакцией девочки отдельной склейкой.

Однако режиссёр, судорожно прижимавший к уху мобильный, замахал на него свободной рукой:

— Погоди секунду.

В трубке раздались длинные гудки, после чего на том конце ответили. Тон режиссёра мгновенно сменился на подобострастно-осторожный:

— Э-э, здравствуйте... Тут такое дело, Шэншэн безутешно плачет. Клянусь, мы пальцем её не тронули, но успокоить никак не выходит. Может, у вас получится выкроить время и подъехать на площадку?

Внимательно выслушав ответ собеседника, мужчина подобострастно поддакнул несколько раз и наконец завершил вызов.

— Даже если монтировать кусками, сейчас ничего не выйдет — у неё лицо всё опухло от слёз, — вздохнул режиссёр. Затем он подошёл ближе к Шао Си и заговорщически прошептал ему на ухо: — Кто же знал, что у родственницы нашего великого киноимператора Гу такой капризный нрав.

Шао Си удивлённо приподнял бровь. Вся его ленивая, расслабленная поза вмиг улетучилась, и он невольно подобрался.

— Внебрачная дочь? По её личику и не скажешь...

Он бросил ещё один оценивающий взгляд на рыдающую Гу Шэн, пытаясь мысленно сопоставить её черты с лицом Гу Яньчжоу. Определённое сходство, пожалуй, действительно угадывалось.

Яньчжоу сейчас двадцать девять, без пяти минут тридцать. Девчушке на вид около восьми-девяти лет. С точки зрения биологии, версия вполне жизнеспособная.

— Куда твои мысли унесло? — Режиссёр беззлобно стукнул его по макушке свёрнутым в рулон сценарием. — Какая дочь? Племянница это его!

Происхождение Гу Яньчжоу в актёрской среде всегда оставалось тайной за семью печатями. А в шоу-бизнесе подобные тайны обычно означают лишь одно — за спиной артиста стоят фигуры такого масштаба, о которых вслух лучше не распространяться.

Яньчжоу приехал поразительно быстро. Едва припарковав машину, он стремительным шагом направился прямо к съёмочному павильону. Стоило его высокой фигуре показаться на площадке, как вся съёмочная группа перевела дух с явным облегчением.

Но маленькая Шэншэн при виде дяди, напротив, заголосила с удвоенной силой. Она припустила к нему навстречу, забавно перебирая крошечными ножками в лакированных туфельках. Если бы не размазанные по лицу слёзы, картина получилась бы донельзя

умилительной.

Опасаясь, как бы племянница не растянулась на ходу, Гу Яньчжоу ускорил шаг, в пару мгновений пересёк дистанцию и подхватил её на руки.

— Ну-ну, что за мокрое дело? — ласково заговорил он, стирая с её щёк дорожки слёз. — Кто же обидел мою маленькую принцессу?

Малышка лишь шумно шмыгнула носом и поглубже зарылась лицом в его плечо. Яньчжоу даже бровью не повёл, когда детские слёзы вперемешку с соплями обильно размазались по воротнику его дорогого пальто; он лишь мягко погладил её по голове, успокаивая.

Эта трогательная сцена мгновенно растопила сердца всех присутствующих дам. Ли Гуанцзун сдавленно охнул и прижал ладони к груди:

— Господи, какая милота... Она что, в прошлой жизни спасла Вселенную, раз ей достался такой дядя?

Шао Си брезгливо отодвинулся от своего менеджера, осознав, что тот исходит слюнями вполне искренне.

— Чему тут завидовать? Хочешь, я тоже буду звать тебя так каждый день? — Шао Си приобнял коллегу за плечи и самым бесстрастным, леденящим тоном выдавил: — Детка.

— Отойди от меня! — Ли Гуанцзун пулей отпрянул, судорожно потирая покрывшиеся мурашками предплечья. — Избавь меня от своей нежности, ради всего святого!

Было очевидно, что у Гу Яньчжоу за плечами солидный опыт общения с детьми. Стоило буре утихнуть, как его тон сменился на строго-наставительный:

— Шэншэн, признавайся: ты ведь сама канючила, что хочешь сниматься в рекламе? А теперь капризничаешь и мешаешь взрослым работать. Это некрасиво.

Выслушав выговор, девочка обиженно надула губы, но спорить не решилась.

— Я больше не буду, — пролепетала она тоненьким голоском.

Однако раскаяние длилось недолго. Заерзав на руках у дяди, она извернулась и ткнула пальчиком прямо в сторону Шао Си:

— Но я не просто так! Там стоит тот самый плохой дядя! Это он, честное слово!

Шао Си опешил от столь неожиданного обвинения. Он инстинктивно оглянулся назад, но позади него никого не было.

— Сынок, — он легонько ткнул Ли Гуанцзуна под рёбра, — она это про тебя, что ли?

Менеджер прищурился, переводя взгляд с плачущей девочки на своего подопечного, а затем на Гу Яньчжоу:

— Разочарую тебя, бро... По-моему, её палец указывает на твою скромную персону.

Сам Шао Си был твёрдо уверен, что никогда в жизни не обижал детей. Да и пересекался он с ними раз в пятилетку.

Тем временем Гу Яньчжоу снова склонился к племяннице и тихонько зашептал ей что-то на ушко. Малышка то и дело бросала на Шао Си робкие взгляды — сперва со страхом, но постепенно её личико разгладилось, приобретая вполне миролюбивое выражение.

Шао Си задумчиво потер подбородок, тщетно пытаясь разгадать эту семейную пантомиму.

Как бы то ни было, инцидент сочли исчерпанным.

Спустя десять минут успокоившаяся Шэншэн, крепко прижимая к себе спасённого кролика, уже стояла на исходной позиции для финального дубля. Гу Яньчжоу устроился на стуле рядом с режиссёром, подбадривая племянницу тёплой улыбкой.

Шао Си вновь взобрался на парапет и застыл в требуемой позе. Но тут над площадкой разнёсся зычный голос режиссёра, вооружённого мегафоном:

— Шао Си, слезай пока! Так не пойдёт, у тебя волосы высохли! Нужно добавить влаги, поживее! Нам позарез нужен акцент на водную стихию!

«Какая, к чёрту, стихия в такой холод...» — мысленно скривился актёр.

— Я замучаюсь потом заново позу ловить, — лениво отозвался он сверху, даже не подумав сдвинуться с места. — Сынок, кинь мне бутылку минералки.

За годы совместной работы Ли Гуанцзун выучил все повадки своего подопечного назубок и прекрасно понимал, к чему всё идёт.

— На улице не май месяц, простудишься ведь, — попытался воззвать к разуму менеджер. — Спустись, пусть стилист аккуратно сбрызнет из пульверизатора.

Шао Си пропустил его кудахтанье мимо ушей. Перехватив брошенную бутылку, он сорвал крышку и без лишних раздумий вылил воду прямо себе на макушку. Сделав пару точных движений и хорошенько встряхнув головой, чтобы стряхнуть крупные брызги, он швырнул пластиковую бутылку обратно.

Ли Гуанцзун лишь покачал головой — спорить со скоростью реакции этого упряма было бесполезно.

Режиссёр оценил такую оперативность и, не теряя времени, скомандовал:

— Мотор! Начали!

Простая сцена была отснята в один дубль. Спрыгнув на землю, Шао Си хотел было по-дружески потрепать Гу Шэн по кудряшкам, но его рука замерла на полпути — девчушка шустро отпрянула и бросилась наутёк.

Боковым зрением Шао Си уловил пристальный взгляд Гу Яньчжоу, наблюдавшего за ними со стороны.

Сделав несколько шагов, маленькая Шэншэн внезапно затормозила, вернулась к Шао Си и, приставив ладошки к губам на манер рупора, звонко прошептала:

— Плохой дядя, а притворяешься ты просто супер!

Прежде чем Шао Си успел переварить услышанное и переспросить, что это значит, девчушка уже скрылась из виду.

«Мелкая пигалица... Много она понимает в актёрском мастерстве», — фыркнул он про себя.

Однако внутри зашевелилось смутное предчувствие. Шэншэн явно имела в виду не его сегодняшнюю работу перед камерой. В голове родилось странное подозрение: неужели их пути с этой семейкой пересекались когда-то раньше, и он успел знатно сесть в лужу перед ними?

<http://bllate.org/book/18321/1756409>